

Понимание речи и лечение речи

Про книгу

Запропонована збірка статей є результатом досвіду роботи з дітьми із порушеннями мовлення й призначена для тих, хто має справу з такими дітьми. Німецькі спеціалісти познайомлять нас з незвичайними логопедичними методами. Незвичайними, оскільки, вони були створені на базі знань духовної науки Рудольфа Штайнера, а отже, враховуючи цілісний образ людини, впливають також і на душу дитину особливо гармонійно.

Карл Кёниг, Георг фон Арним, Урсула Херберг

ПОНИМАНИЕ РЕЧИ И ЛЕЧЕНИЕ РЕЧИ

Понимание речи и лечение речи

KARL KÖNIG / GEORG v. ARNIM
URSULA HERBERG

Sprachverständnis
und
Sprachbehandlung

VERLAG FREIES GEISTESLEBEN

Карл Кёниг
Георг фон Арним
Урсула Херберг

ПОНИМАНИЕ РЕЧИ И ЛЕЧЕНИЕ РЕЧИ

Издание второе

Перевод с немецкого
Виктора Гончарова

Киев
«НАИРИ»
2013

УДК 376.34
ББК 74.3
К35

Перевод с издания:
K. König, G. v. Arnim, U. Herberg.
Sprachverständnis und Sprachbehandlung.
Verlag Freies Geistesleben, Stuttgart, 1986.

Оформление обложки — **Галина Анненко.**

Кёниг К., Арним Г. фон, Херберг У.
К35 **Понимание речи и лечение речи / Пер. с**
немецкого. — К., «НАИРИ», 2013. — 160 с.
ISBN 978-966-8838-74-3

Предлагаемый сборник статей является результатом опыта работы с детьми, имеющими нарушения речи, и предназначен для тех, кто имеет дело с такими детьми.

ББК 74.3

ISBN 3-7725-0695-X

© Verlag Freies Geistesleben, 1986

© В. Гончаров — перевод, 2002

© Антропософский центр
социальной терапии, 2003

ISBN 978-966-8838-74-3

© «НАИРИ», 2013

Содержание

Предисловие	6
Карл Кёниг	
Язык и процесс речи	8
Георг фон Арним	
Чувство речи. Развитие и нарушения	50
Урсула Херберг	
Новые подходы к речевой терапии	123
Литература	157

Предисловие

Содержание предлагаемого сборника является результатом опыта работы с детьми с нарушениями речи и предназначено для тех, кто с такими детьми имеет дело. Предпосылкой этого, правда, является наличие определенных знаний в области антропософской лечебной педагогики и ее основ. Отдельные части сборника возникли совершенно независимо друг от друга, а также в различное время, исходя из личного опыта их авторов относительно обсуждаемой проблемы. Поэтому вместе они не представляют отражение данной темы в виде единой гармоничной композиции и должны восприниматься просто как материал для дальнейшей разработки. Кроме того, здесь собран, пусть и не полностью, ряд рассеянных в различных докладах Рудольфа Штайнера указаний к вопросам развития и терапии речи. Таким образом, если из всего этого получится плодотворный разговор о существе нарушений речи у детей, задача этой книги будет выполнена.

Часть, написанная Карлом Кёнигом и переработанная совместно Хансом Мюллером-Видеманном и мной, представляет собой один из докладов, которые были прочитаны им в 1964 году в Кэмпхилле (Шотландия) в рамках курса по речевой терапии. Этот курс был задуман как начало большой работы по речевой терапии и должен был иметь продолжение. Но из-за занятости Кёнига другими вопросами и его смерти в 1966 году этого не произошло. Поэтому нужно учитывать, что этот доклад образует только начало намного более обшир-

ной концепции. Тем не менее, в нем содержатся основополагающие идеи Кёнига, являющиеся плодом многолетней интенсивной деятельности в области, связанной с проблемами речи и особенно с ее патологическими проявлениями. Вероятно, мне будет позволительно сослаться здесь на послесловие, написанное Кёнигом к одному из изданий работы Гердера* «О происхождении речи». Многие из того, что там звучало больше в сухих теоретических формулировках, вернулось в напечатанных здесь докладах в сильно выраженном образном виде. Используемый Кёнигом в лечебно-педагогическом отношении образно-имагинативный способ выражения, взятый сам по себе, чрезвычайно полезен для стимуляции и укрепления собственного непосредственного наблюдения и способности переживания речевого процесса, раскрывающегося в ребенке или каким-то образом нарушенного. Так, например, в вышеупомянутом послесловии мы находим рассмотрение той области, которую Кёниг обозначает как Логос; совсем другим образом он говорит о существе речи в его отношении к ландшафту; и, наконец, о творческом и индивидуальном характере речи. Несомненно, помимо прочего, полемика с текстом Гердера играла для Кёнига существенную роль. Но все же сильнее всего в нем было, вероятно, непрерывное переживание ребенка с нарушенным развитием речи.

Георг фон Арним

* J. G. Herder, «Über den Ursprung der Sprache», *Denken — Schauen — Sinnen*. Nr. 33/34, Stuttgart 1965.

Карл Кёниг

Язык и процесс речи

I

Прежде чем начать рассмотрение, мы должны с самого начала совершенно четко и ясно различать две вещи. Одна из них — язык, а другая — процесс речи. Не будет никакого смысла в том, что мы теперь собираемся делать и разрабатывать, если и в нашем рассмотрении, и в нашем переживании мы будем смешивать эти понятия. Язык и процесс речи — это две совершенно разные вещи. Я могу говорить на каком-то языке, но сам язык все же представляет собой нечто иное. Для познавательного процесса оба четко разделяются. Точно так же и в области терапии мы должны различать языковые упражнения и речевые упражнения.

Таким образом, если я сейчас говорю, то я говорю на каком-то языке — это само собой разумеется, иначе я не смог бы говорить, а вы не смогли бы меня понимать. Но и в познавательном смысле, и в терапевтическом, и с точки зрения наглядности язык и процесс речи представляют собой нечто различное, поскольку язык живет совершенно в другой области, нежели процесс речи. Современное естествознание и современный взгляд на природу, а также вытекающая из них современная философия убеждены в том, что язык существует только там, где он высказывается. Это, однако, основополагающая ошибка. Язык, образно выражаясь,

является как бы покровом этого пространства, а процессу речи соответствует все остальное в этой пространственности. Вместе они образуют целое. Это происходит тогда, когда человек обращается к другому человеку или к группе людей. Но язык и процесс речи — это две различные вещи. Компоненты этой основополагающей двойственности мы должны отличать друг от друга.

Говорить может только человек. Ни одно другое существо не делает это так, как мы. Ни животные, ни ангелы. Ангелы говорят совершенно иначе; также и все остальное, что оживлено и одушевлено, имеет другой язык. Мы могли бы на этом и остановиться, сказав, что говорить может только человек. Но при этом мы должны понимать, что тут говорит не только гортань, тут говорит весь человек целиком, снизу доверху, — а также и изнутри наружу, от физического тела до «Я» и от «Я» до физического тела. Ведь если человек говорит, то он должен себя не скрывать, а раскрывать. Если кто-то скрывается за своей речью, это тут же замечаешь.

Сюда добавляется еще и нечто другое. Когда человек не говорит, он все же остается говорящим. Если я, например, ничего не говорю, что происходит обычно во время сна, я все же являюсь человеком говорящим; мне нужно только проснуться и заговорить.

Итак:

- говорящий человек
(*der sprechende Mensch*);
- весь целиком говорящий человек
(*der als ganzer Mensch sprechende Mensch*);
- говорящий человек также и тогда,
когда он не говорит
(*der auch dann, wenn er nicht spricht,
sprechende Mensch*).

Посредством этих трех формулировок постепенно можно понять, что быть человеком означает говорить, а говорить означает быть человеком.

Рудольф Штайнер в своем основополагающем докладе о речи¹ в январе 1910 года указывал на то, что весь человек ориентирован на речь; гортань является центральным органом и определяет всего человека. Естественно, и человек определяет гортань, поскольку эта связь органически живая.

Таким образом, запомним: человек является говорящим, и только говорящий человек является человеком.

Язык — это нечто другое. Потому если ребенок не обучается речи, причина может быть двоякой: или он не получил доступа к языку, или он не может говорить. То есть надо понимать, что неспособность к речи или нарушение речи могут основываться либо на том, что не достигнута связь с языком, либо на том, что нарушен процесс речи.

Язык сам по себе представляет собой нечто такое, что мы должны все больше и больше принимать в свою область идей. Через некоторое, очень короткое время после рождения ребенок начинает гулить, и если записать все слоги, которые он произносит, можно обнаружить, что в этих слогах имеется гораздо больше гласных и согласных, нежели мы обычно знаем. Поскольку каждый ребенок имеет задатки не только к тому, чтобы говорить по-немецки, по-французски или по-голландски, а чтобы говорить на всех языках, также и тех, которые были раньше или будут в будущем.

В отношении речи человек рождается не французом или шведом, а человеком, принадлежащим всему человечеству. Это значит, что ребенок, оказавшись в среде родного языка, сужает то, что он изначально приносит как целое. И то, что он приносит как целое, принадлежит еще не Земле, а той сфере, которая окружает Землю

в виде гидросферы, атмосферы и так далее. Далеко снаружи в этой сфере живет язык; он вокруг нас. Там находится язык. Не немецкий, французский, английский, а язык как таковой. И как процесс речи принадлежит человеку, так язык принадлежит окружению Земли.

Когда вы выходите из дома и, проходя мимо деревьев, через зеленые луга, обращаете свой взор к реке, к холмам, к облакам, к небу, траве, животным и прочему, вы — если вы старше 14-15 лет — переживаете нечто такое, что можно выразить только одним словом: ландшафт. Все это ландшафт, и он изменяется в зависимости от того, куда несут вас ноги.

Он может быть пустынным или заполненным, надменным или простым. Эти бесконечные различия ландшафта представляют собой не что иное, как выражение языка. Это простирающийся над всей Землей действующий язык. Вы переживаете слог гор и облаков, кустов и деревьев, холмов и животных. Все это говорит, и каждый человек, в соответствии со своим языком, встроен в тот ландшафт, в котором он вырос. Вплоть до грамматики, вплоть до мелодии предложений, вплоть до позиции слов, до окрашивающих и сопровождающих язык жестов, в говорящем человеке живет язык ландшафта.

Что же тогда такое диалект? Как раз то, что я попытался сейчас описать: как дует ветер, сильнее или слабее, как далеко расстилается море и уходит ли небо в бесконечность. Это действует не столько на мышление человека, сколько оказывает влияние на язык, которым он начинает говорить. И затем уже этот язык, родной язык, вырисовывает контур мышления. Когда мы мыслим, в нас думает родной язык, наши переживания и воспоминания. Ведь все мы являемся индивидуальностями не только благодаря тому, что мы свободны, а в такой же степени потому, что у каждого из нас свое прошлое.

В земном окружении, когда заходит солнце и наступает ночь, когда открываются звезды и планеты, тогда появляется Логос. Когда мы так говорим, мы ощущаем, что весь мир построен на языке и процессе речи. Процесс речи — это человек на Земле; язык — это окружение; Логос — это космос, и иногда мы можем это ощущать.

Позвольте мне здесь снова повторить то, что уже было сказано ранее и что поможет нам погрузиться в тему глубже. Говорящий человек является тем, кто из слов строит предложения; язык является тем, что из слогов строит слова. Логос из гласных и согласных формирует слоги.

Единичное представляет собой наивысшее; то, где можно ставить запятые и точки — это наинизшее. Таково строение языка. Говорящий человек формирует из слов предложения, и предложения образуют то, что он говорит. Язык формирует из слогов слова. Логос — мы можем также сказать праязык — образует из гласных и согласных то, что в сфере языка становится слогами. Это ландшафт.

<i>Ничего внутри,</i>	<i>Nichts ist drinnen,</i>
<i>Ничего снаружи,</i>	<i>Nichts ist draussen,</i>
<i>Ибо что внутри,</i>	<i>Denn was innen,</i>
<i>То и снаружи.</i>	<i>Das ist aussen.</i>

Все есть язык. Это предназначение земного развития — оно изнутри и снаружи упорядочено относительно языка, можно сказать, нацелено на язык.

Теперь сделаем следующий шаг и рассмотрим человеческий облик: голову, грудь, конечности. Где тут действует Логос, где язык, а где процесс речи?

Конечности простираются наружу в мировые дали. Не правда ли, они сложены так — особенно пальцы на

ногах и руках, — что подобны «антеннам», принимающим из далей сущность того, что суть гласные и согласные. То есть это значит, что через конечности мы связаны с творческой силой Мирового Слова.

Но то, что живет в области груди как дыхание, как удары сердца и в то же время в виде дыхания входит из земного окружения — это язык. И только то, что поднимается над грудью, заканчивающейся у горла, то есть голова — представляет собой речь. Таким образом, мы объединили в человеке Мировое Слово, язык земной сферы и речь.

Теперь мы встаем перед следующим важным вопросом: почему же тогда речь является достижением моторики? Она ведь поднимается снизу вверх! Но она поднимается лишь тогда, когда сверху опускается форма, то есть когда нервно-чувственная система оформляет то, что входит снаружи через конечности, а из середины входит через дыхание. Это следующее основание для нашего дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, то, что можно обозначить как трехчленность слова, мы обнаруживаем представленным в трехчленном человеке. Наши конечности являют собой те «антенны», через которые вливаются гласные и согласные. Поэтому нашими конечностями мы можем делать эвритмию. Эвритмия состоит, в некотором смысле, из того, что мы можем назвать Мировым Словом. Оно затем наполняется благодаря языку и оформляется говорящим человеком. Говорящий человек, однако, — это человек, обладающий головой, мозгом и чувствами восприятия, формирующей силой, которая приводит к формулировке предложений, слов и так далее.

Теперь мы добрались до головы. Тут мы находим, наконец, говорящего человека. Однако, эта голова — не единственная, которую мы носим на себе. Кроме нее у

нас есть еще гортань, которая ведь тоже является головой*. Первая голова замкнута, гортань же не замкнута, она открыта. Поэтому вы можете слышать то, что я говорю, но не можете слышать то, что я думаю. Поскольку голова замкнута, мышление беззвучно, и поскольку гортань открыта, речь можно слушать.

В очень древние времена, когда голова была похожа на своего рода чашу, мышление и речь еще были едины, они еще не были разделены. Только когда голова начала замыкаться, под ней должно было возникнуть нечто открытое — это была гортань. Если бы я рассказывал вам, как гортань возникает эмбриологически, я должен был бы сказать, что она возникает без каких-либо предварительных ступеней. Она возникает неожиданно, будто в это место в эмбрионе доставляется некая форма, и на ее основании формируются отдельные части гортани. Такое еще происходит только с селезенкой, но совсем на другом основании.

Посмотрите, как выглядит голова человека — я изображу ее в профиль и только часть черепа, где располагается мозг, без лицевой части (рис. 1). Она сидит на шейных позвонках. А теперь смотрите: здесь другая голова, маленькая — гортань. Она сидит на воздушной трубке, ведущей в легкие. Вы можете видеть, что голова и гортань по своему положению вполне сравнимы, только одна смотрит вперед, а другая — назад. Голова мыслящая и голова говорящая ведут себя по отношению друг к другу как мать и ребенок, даже по величине.

Теперь подумайте о следующем, и я прошу вас сделать это очень осторожно. Развитие надо рассматривать так, будто нечто от мозга вывернулось наизнанку и про-

* В немецком языке это отражено уже в самих словах: голова — Kopf, гортань — Kehlkopf.

Кінець безкоштовного
уривку. Щоби читати
далі, придбайте, будь
ласка, повну версію
книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ